

КОНЦЕПЦИЯ ПОЭТА В ТВОРЧЕСТВЕ И. ЖДАНОВА

В статье рассматривается в историко-литературной перспективе, как И. Жданов понимает назначение поэта и определяет источник поэтического дарования. Устанавливается, что мастер стиха с Алтая стремится продолжить пророческую линию русской поэзии и выводит в творчестве тип поэта-пророка (проводника), классическая абсолютизация личности которого трансформируется в неклассическую ориентированность лирического «я» на «другого» (в том числе и читателя). В их единстве и творческой (демиургической) созидательности мыслится поэтом преодоление катастрофического состояния мира и достижение им состояния Всеединства.

И. Жданов — одна из стержневых фигур русской поэзии последней четверти XX — начала XXI вв. Имя поэта прочно вошло в современные учебники истории литературы, его тексты стали предметом многочисленных литературно-критических и филологических работ. В то же время большинство стихотворных текстов поэта не подвергалось целенаправленному системно-целостному анализу. Не определен специалистами генетический состав поэтической ткани его произведений и особенности реализации в них авторского начала. Все это в совокупности открывает очевидную перспективу для актуального исследования стихотворного творчества И. Жданова.

Цель данной работы — представить концепцию поэта (систему взглядов, определенный способ понимания) в творчестве И. Жданова на материале его стихотворных, прозаических текстов и высказываний в интервью. С нашей точки зрения, для достижения поставленной цели необходимо ответить на следующие вопросы: Как поэт определяет свое назначение? Что он вкладывает в такое понятие как «источник поэтического дарования»? Как повлияла историческая эпоха и литературная традиция на формирование представлений поэта о своем назначении?

В тексте «Ты, как силой прилива...» И. Жданов выводит поэтическую формулу подлинного поэта: «Ты — последняя пядь воплощенной вины,/ты — свидетель и буквица света,/ты — свидетель, привлекий к чужому суду/неразменную эту беду» [Жданов 2005: 114]. Исследователи неоднократно обращались к данному определению, сходясь во мнении, что в нем поэт выразил свое творческое credo, сравним: «А поскольку надежд на преобразование хаоса в гармонию уже нет, то остается только одно — стать *последним и обреченным на гибель носителем света* среди тьмы» [Лейдерман, Липовецкий 2003: 453]; «Поэт, конечно, избранник, но не исключительная личность, а *искупитель вины человеческой и беды*» [Плеханова 2007: 369]; «Обреченностью называет автор трагическую предрешенность судьбы, потому что поэт в его понимании <...> прежде всего, *искупитель вины*» [Меркулова 2013: 255]. Вина в аксиологии Жданова, как и со-весть, имеет онтологическое значение: она позволяет человеку не отдаляться от Бога, создает между ними духовную связь. Метатекстовый элемент генетивной метафоры «буквица света» указывает на избранность и назначение поэта, поскольку буквицей называют начальную букву текста, отличающуюся от всех остальных художественной оформленностью. Предмет сравнения «света» определяет божественный источник поэтического дарования. Не случайно Жданов, комментируя стихотворный текст «Пророк современный (Антипророк)», указывает на пророческую природу творческой потенции поэта: «Вообще-то, имеется в виду современный художник: отказавшись от функций пророка, он неизбежно впадает в соблазн Герострата». Субъект речи данного текста в обращении к лирическому «ты», который действительно «по праву своего дара, данному ему Богом» [Жданов, Шатуновский 1998: 28], занимает нишу пророка, указывает на то, что присвоение себе этого права приводит к подмене истинного призвания своекорыстием мелкого провидца, делающего дар «своей собственностью» [Жданов, Шатуновский 1998: 28]. Такая подмена равносильна его утрате: «И когда ты в угоду бессчетным затеям/навязаться захочешь какой-нибудь цели,/ расплетая дорогу на тропы провидца/(словно подвиг Гераклу навязан Антеем/для того чтобы только в безумном веселье/от земли оторваться и ввысь устремиться)» [Жданов 2005: 111-112].

Наряду с рассмотренным выше образом Жданов в том же тексте изображает поэта с другой стороны: 1) «Ты, как силой прилива, из мертвых глубин/извлекающей рыбу,/речью пойман своей, *помещен в карантин*,/совместивший паренье и дыбу»; 2) «Посмотри: чернотой и безмолвием ртов,/как стеной вороненой,/зачаженные всплески *эдемских кустов/окружают тебя обороной*» [Жданов 2005: 113-114]. В первом примере действительно представлен настоящий поэт, что захвачен потоком речи (сравним

с мифологическим сближением в языке *речи и реки*) и способен из его глубин выносить через творческую активность архетипические феномены общечеловеческого опыта. Однако если рассматривать данный образ в контексте других поэтических произведений Жданова, то захваченность речью может прочитываться как «падение в неумную жажду высот разговора» [Жданов 2005: 112], или состояние, когда «Ты зажат, как вороний язык,/вездесущим, всезнающим клювом» [Жданов 2005: 110].

Образ «куста» в поэзии мастера стиха с Алтая обозначает отдельного человека, например, как в тексте «Батарей отопительной системы», где он становится метонимией (как рентгеновский снимок легких) каждого, кто сидит за столом, в том числе и лирического субъекта: «А розовый куст, восходящий над краем стола,/бронхитом трясет и сорит никотиновой солью,/клубясь и блестя в негативном ознобе рентгена» [Жданов 1997: 83]. Эпитет «эдемских» отсылает к первозданной природе человека, когда он находился в состоянии духовной цельности, обусловленной единством с Создателем. Современный же человек становится только всплеском райского состояния, в результате возможность Всеединства людей, одухотворенного приобщенностью к божественному Логосу, заменяется «чернотой и безмолвием ртов» [Жданов 2005: 113]. Творческая активность поэта, находящегося среди них, также оборачивается безмолвием, соразмерным потери дара, от которого остается только внешняя оболочка: «Ты стоишь по колени в безумной слюне/*помраченного дара*,/разбросав семена по небесной стерне/*как попытку и пробу пожара*,/проклиная свой жест, оперенный огнем,/и ладонь, онемевшую в нем» [Жданов 2005: 114].

Вообще, как показал В. Г. Кулаков, представители неподцензурной поэзии 1970-1980-х начинали свой творческий путь «в условиях молчания, в условиях культурной катастрофы, гибели языка, когда прямая речь, открытый звук может быть только недостижимой мечтой» [Кулаков]. Причиной данного состояния является нарушение непрерывности культурной традиции, обусловленное возникновением эстетического и идеологического вакуума в официальной советской литературе. Для И. Жданова изживание немоты (обретение собственного слова) является одной из центральных проблем, которую он решает в своих стихотворных текстах. В этом плане преодоление разрыва между реальным и потенциальным бытийственным состоянием героя становится символом обретения им неповторимого голоса, «собственной интонации» [Кулаков].

Анализ рассмотренных текстов показал, что поэт стремится продолжить пророческую линию русской поэзии, идущую от эстетики романтизма, программно осознанную А. Пушкиным и поднятую на новый (модернистский) уровень Вл. Соловьевым. На это указывает Владимир Абашев, который считает, что Жданов, как и Парщиков, воспроизводит «традиционные представления о поэте-пророке и поэте мастере» [Абашев 2000: 353-354], в частности, для него характерна именно «пушкинская концепция медиумичности поэта-пророка» [Абашев 2000: 332]. При этом, по мнению исследователя, вопрос о поведении поэта находится «вне зоны художественной рефлексии» метареалистов, поэтому «в жизни поэт — частный человек, не совпадающий с текстовым «я»» [Абашев 2000: 354]. Позиция В. В. Абашева согласуется с общей концепцией современного поэтического процесса, предложенной В. Г. Кулаковым, где он указывает на то, что если «раньше восторг открытия художественной истины превращал поэта в пророка, мессию, носителя абсолютного знания», то в настоящее время «художественная истина по-прежнему абсолютна, но только в своем, эстетическом, пространстве». В такой культурной ситуации «общая метафизическая интуиция», как считает специалист, определяет положение, когда «не мы владеем языком, а язык владеет нами» [Кулаков].

Последний тезис совпадает с программным утверждением И. Бродского, согласно которому «то, что в просторечие именуется голосом музыки, есть на самом деле диктат языка» [Бродский]. Из некоторых высказываний Жданова также выводится признание за языком такого рода полномочий: «Когда художник чувствует себя проводником, инструментом, и это более блаженное, более нормальное состояние, так и книга — растёт или строится. Она может построиться самым неожиданным образом. Поэтому итогом чего-то она быть не может. Это, опять же, в биографическом подходе, книга является итогом жизненного пути. *А здесь получается что — то, что строится книгой и в книге строится, то и ведет художника*». Не случайно Жданов противопоставляет практикуемый им подход к созданию поэтических произведений, безусловно, отражающий тенденции современной культуры, творческому подходу некоторых поэтов Серебряного века, обусловленному, с его точки зрения, преимущественно их биографическим опытом. Однако поэтическое мышление Жданова определяет, прежде всего, направленность поиска духовной идентичности человека, идущей во многом в русле философии христианства, поэтому на вопрос об источнике возникновения поэтических откровений поэт обычно отвечает

следующим образом: «Но по стихописанию, это тоже самое, что и раньше — чуть больше непосредственности, веры в то, что кривая вывезет и в то, что *Тот, Кто Дает эти импульсы Знает, что Он делает. Вот и все. Самостоятельности здесь, получается, меньше. Но результат от этого не зависит*» [Бавильский, Жданов]. Сравним данное высказывание, которое, кстати, из одного источника с предыдущим, например, с пониманием Вл. Соловьевым процесса поэтического творчества: «поэт не волен в своих произведениях, он лишь повинуетя высшему призванию и велению, и так же мало может по собственному произволу определять сроки и выражение своего творчества, как жрец не волен в выборе сроков, чина и слов священнодействия» [Соловьев]. Конечно, такая близость позиций в приведенных высказываниях не говорит о какой-либо открытой преемственности, невозможной в силу озвученных выше эстетических процессов, что проходили в культурной среде, где формировался младший поэт, но, тем не менее, типологическая направленность его поэтического мышления очевидна.

Все сказанное выше позволяет сделать следующий вывод: в поэтическом творчестве, прозаических публикациях и интервью И. Жданов, основываясь на аксиологических и эстетических ориентирах, оформившихся в культурно-исторической ситуации последней трети XX века, создает образ поэта и соответственно тип творческого поведения. Их определяют следующие характерные черты: во-первых, поэт выступает в качестве частного лица, которое изначально разделяет с другими людьми ответственность за состояние мира. Во-вторых, обладание поэтическим даром делает его проводником божьей воли, выполняющим пророческую функцию. Ее реализация происходит в стихотворных текстах, где раскрываются проблемные зоны бытия современного человека и художественно моделируется процесс инициационного их преодоления. В-третьих, через свои тексты поэт предлагает другим людям (читателям) приобщиться к данному нравственно-эстетическому опыту, посредством воплощения которого возможно спасение мира от катастрофы и достижение им состояния Всеединства.

Литература

1. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. 404 с.
2. Бавильский Д., Жданов И. Дойти до полного предела [Электронный ресурс] URL: <http://www.litkarta.ru/dossier/doiti-do-polnogo/> (дата обращения: 10.06.2016).
3. Бродский И. А. Нобелевская лекция (1987) [Электронный ресурс] URL: <http://lib.ru/BRODSKIJ/lect.txt> (дата обращения: 10.06.2016).
4. Жданов И. Ф. Воздух и ветер. Сочинения и фотографии. М.: Наука, 2005. 176 с.
5. Жданов И., Шатуновский М. Диалог-комментарий пятнадцати стихотворений Ивана Жданова. М.: Изд-во ун-та истории культур, 1998. 88 с.
6. Кулаков В. Г. После катастрофы. Лирический стих «бронзового века» [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/1996/2/kulakov.html>
7. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950-1990-е годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. Т. 2: 1968-1990. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 688 с.
8. Меркулова О. Н. Метафизика творчества в поэзии Ивана Жданова // Вестник Иркутского государственного университета. Иркутск: Изд-во ИГТУ, 2013. С. 253-256.
9. Плеханова И. И. Иван Жданов: лирика автохрона, или **homo temporis** // Русская поэзия рубежа XX-XXI веков. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2007. С. 351-372.
10. Соловьев В. С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина [Электронный ресурс] URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/37719p1.html> (дата обращения: 10.06.2016).